

УДК 821.161.1

Британ Э.Л.

Московский государственный областной университет

ТРАГИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ И АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ В РОМАНЕ В. АСТАФЬЕВА «ПЛАЦДАРМ»

E. Britan

Moscow State Regional University

TRAGIC HERO AND AUTHOR'S VIEW IN THE NOVEL BY V. ASTAFYEV «BRIDGEHEAD»

Аннотация. В статье раскрываются особенности авторской позиции в романе «Плацдарм». Дается анализ поведения человека в трагической ситуации военного противостояния. Бесчеловечность, противоестественность, бессмысленность войны В. Астафьев противопоставляет незыблемости мироздания. Писательская мысль о цене победы, которую заплатил народ в ходе Великой Отечественной войны, пронизана трагизмом. Включая религиозно-философские аспекты в собственно авторскую систему смыслов и образов, В.П. Астафьев создает свою концепцию трагического, являясь продолжателем классических традиций утверждения идей, восходящих к христианской этике.

Ключевые слова: автор, трагическое, произведение, герой, война.

Abstract. The article considers the peculiarities of the author's view in the novel "Bridgehead" and provides the analysis of human behavior in the tragic situation of the military confrontation. Inhumanity, irregularity, the senselessness of war Astafyev opposes to the inviolability of the world. Writer's thought about the price of the victory, which was paid by the people in the Great Patriotic War, is permeated by the tragedy. Including religious and philosophical aspects to the author's meanings and images, V. Astafyev creates his vision of the tragic, and continues the traditional ideas of Christian ethics.

Key words: author, tragic, work, hero, war.

Центральный образ романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» – советские воины, «наши, российские парнишки, братья <...> по богову завету» [1, с. 207], испившие громадную чашу страданий времён Великой Отечественной войны.

Война разделила героев «Плацдарма», призванных защищать родину: не все выдержали её непомерный груз. В.П. Астафьев продолжает мысль первой книги романа: война не зависела от воли самих героев. Она подавляет, выворачивает наизнанку душу человека, нередко искажает в ней лучшее, проявляя низменные качества: «В бою начинает выявляться характер и облик каждого отдельного человека» [1, с. 358]. Писатель подчёркивает, что немислимо трудно было «оставаться человеком в нечеловеческих условиях» [1, с. 495], где царили «насилие, угнетение» [1, с. 496]. Стремилась сберечь свои жизни во что бы то ни стало капитан Мельников, «спасающийся в тылу посредством передового идейного слова» [1, с. 217], Петька Мусиков, Мусенок, усилием которых было «любим способом выжить» [1, с. 296]. В Шорохове, «старом лагерном волке» [1, с. 728], преобладает хищническое, животное начало: «по непобедимой привычке стервятника [1, с. 731] на поле брани он «обшаривал карманы бойцов» [1, с. 731]. «Никаких чувств и печалей не испытал» [1, с. 614], когда впервые убил немца.

Автор «Проклятых и убитых» убеждён, что наказание неминуемо для тех, кто собственную жизнь ставит превыше всего. Петька Мусиков противился войне не потому, что был борцом за мир, а потому, что жадно хотел жить. Он не пытался понять свою жизнь, отсиживался, мечтал попасть в госпиталь, подальше от передовой, прострелил себе ногу, чтобы «уплыть с

проклятого, смертельного берега» [1, с. 721], но просчитался – «завалило, задавило его землёю» [1, с. 721], – пишет В. Астафьев.

Писатель беспощадно клеймит нерадивых командующих, трусливых офицеров. Страшное время войны породило уродливые явления военных будней. Командир полка, Иван Харитонович Вяткин, ловко обходил передовую. Его жена «помогала ему в продвижении по службе, в получении званий, в получении наград» [1, с. 646]. «Непременный, всюду и везде с пламенным словом наготове» [1, с. 362], Мусенок, засоряющий умы и души новобранцев мёртвым словом социалистической идеи, чувствовал себя на войне вольготно, сыто, тяготы военной жизни разделял с красавицей машинисткой Изольдой Казимировной Холедысской. Виктор Петрович Астафьев считает, что такое поведение на войне – предательство, оно «начинается в высоких, важных кабинетах вождей, президентов – они предают миллионы людей, посылая их на смерть, – и заканчивается здесь, на обрыве оврага, где фронтовики подставляют друг друга» [1, с. 713].

Самое страшное на войне предательство, по мысли автора, – предательство солдата. Именно на долю рядового бойца выпали невероятные испытания, именно он пережил весь ужас передовой. Недальновидные решения, глупые просчёты, трусость, безответственность военного руководства – всё это тяжким бременем легло на плечи защитников. Солдатскую душу «выпростили, подчинили, осквернили» [1, с. 723], что «приводило человека к тупому равнодушию, когда смерть кажется избавлением от непосильных тягот окопной жизни» [1, с. 723].

Даже честные, чистые помыслами люди ощущали растерянность перед войной. Феликс Боярчик, находясь на фронте, пытался противостоять войне. Готовый для другой жизни, он оказывается покалеченный войной. Герой погружён в ситуацию, когда не понимает, как себя вести. Чувство собственного достоинства, обострённое восприятие несправедливости мешали ему примириться с действительностью, «принять» массовое

убийство. Награждённый медалью «За отвагу», верящий в «незыблемость добра на земле» [1, с. 468], боец «сломался разом и навсегда» [1, с. 445], не выдержав военных испытаний: «в том, что его в конце концов убьют, Боярчик несколько не сомневался – уж очень они не подходили друг другу: Феликс, ошептанный, святой водой обрызганный, смиренно воспитанный Фёклой Блажных, – и война» [1, с. 457]. Прозрение героя привело к трагедийному конфликту: Боярчик всё же бросается к немцам, умоляя убить его. Отношение к нему автора не уничижительное, а сочувственное. Выдающийся русский мыслитель И.А. Ильин в работе «Основное нравственное противоречие войны» подчёркивает, что «дело людей на войне слагается из лучшего и худшего, из высшего и низшего, и в этом трагедия войны; она является зрелым плодом ее нравственной противоречивости» [3].

Военное противостояние выявляет в человеке не только низменное, не только вызывает смятение доброй души, но и обостряет высокое стремление защитить родину. Чувство единения солдата с солдатом, готовность отдать хлеб, табак – на войне всё в цене – руководит такими людьми. Проявление бескорыстия в экстремальных условиях – это тоже, по мысли В. Астафьева, подвиг воина.

В чудовищных условиях лучшие бойцы пытаются сохранить в себе человеческое достоинство. Шестакову поручают переправить связь, отправиться на смертоносный берег. «Лёшка нашаривал, нащупывал взглядом в тёмном земляном отверстии майора» [1, с. 515], но «взгляд майора погас ... Майор ... предоставил солдату всё решать самому, ... не судья он ему сейчас» [1, с. 515], «пусть решает совесть и что-то ещё такое, чему названия здесь, на краю жизни, нет» [1, с. 515]. Солдат оказывается перед выбором, хотя заведомо знает, что поступит по совести: «Сочувствие, помощь друг другу, главное – работа, ... смертельная работа настолько сблизила их, что памяти этой хватит на всю жизнь. И вот войдёт в эту память худенькое, сволочное. Ведь он майора втягивает ... в сделку вступить, ложь сотворить, а она, эта ложь, угнетать будет не

одного Лёшку и ... сделает к нему отношение майора совершенно иным. Этаким вежливым, спокойно-холодным» [1, с. 515]. Писатель подчёркивает в герое внутреннюю силу. На поле битвы такие воины, как защитник Шестаков, принимают на себя весь непосильный груз войны, своё участие в которой они не могут предотвратить.

Авторская мысль о незыблемости мира, о вечности мироздания позволяет В. Астафьеву говорить о возможности сохранения нравственного равновесия в условиях войны. Подтверждением тому – проявление светлого начала в отчаянной душе Лёхи Булдакова. Ухаживая за умирающим Финифатьевым, он испытывал чувство глубочайшего удовлетворения: «Радостно ему было услуживать больному товарищу» [1, с. 676]. «Бродяга, сплавщик, матрос с «Марии Ульяновой» [1, с. 717], плут и боец», [1, с. 717] Булдаков заботился о раненом Финифатьеве, которому «Бог не дал ... рожего брата, так вот он его на войне сам нашёл» [1, с. 717]. Не случайно так тянуло Булдакова к сержанту: Финифатьев – крестьянин, человек традиций, внутренней упорядоченности, которая так свойственна людям, преданным земле. Под влиянием старшего товарища Лёха Булдаков стал более цельным. По мысли писателя, он – человек большого сердца. Как отмечено исследователем А. Немзером в статье «Исчадьё божье», «в огромном, брехливом и наглom парне живёт изумлённый чистоглазый ребёнок» [5]. «Отнятое крестьянское детство» [5] стало жить, произрастать в душе героя благодаря человеческому обаянию фронтового друга Финифатьева. Преображение Булдакова предопределило и его поведение в бою: героически, умело, ожесточённо воевал солдат, его широкая русская натура не знала границ: пленных не расстреливал, а однажды поделился галетами с захваченным немцем. Раненый боец сохраняет мужество: изрешечённый пулями, впадая в забытие, теряя сознание, из последних сил Булдаков самоотверженно ползёт к реке: «на реке же его ждёт дед Финифатьев, он обещал ему помочь» [1, с. 717].

По словам В. Астафьева, «богоданная пара Булдаков с Финифатьевым» [1, с. 374] – обра-

зец настоящей фронтовой дружбы. Человек – земледелец своей души. Если в душе сеется слово Божие, слово правды и любви, то жизнь будет радостной для самого человека и для других. Жизнь Булдакова обрела смысл, потому что в его сердце поселилась любовь. Он высоко служил дружбе, думал о товарищах, искренне был привязан к «деду».

По убеждению писателя, война – ад, трагедия, независимо от того, кто погибает – русский или немецкий солдат. Славный сибиряк, честный солдат Лёшка Шестаков на войне понимает, что испытывает всё нарастающее чувство духовной опустошённости. Привычка убивать врага начинает «забирать» что-то важное из души. Он понимал, что уже не помнит, сколько убил на войне, «потому как, ставши покойником, немец делается обыкновенным мертвецом, единицей для военных отчётов» [1, с. 568], «не ужаснулся тому, что начинает привыкать к безликости той единицы», хотя, казалось, что видение первого убитого никогда не сотрётся, «в памяти и останется с ним навсегда» [1, с. 569]. «И оттого, что сражённый им враг-первенец оказался не эсэсовцем, ... а бросовым солдатишкой, которыми и по ту сторону фронта, и по эту вершители людских судеб, вознёсшиеся до богов, разбрасывались что песком, перевернулось всё в Лёшке. И мир тоже. С тех пор война для него обрела жалкое лицо всеми брошенного и забытого человека» [1, с. 569]. Он осознал, что «война – это преступная трата души – главного богатства человека» [1, с. 569]. «Главное губительное воздействие войны в том, что вплотную, воочию подступившая массовая смерть становится обыденным явлением и порождает покорное согласие с нею» [1, с. 569], – заключает автор.

В. Астафьев нарушает традицию изображения врага. Немцы – это прежде всего обычные люди, которые стремятся уйти от навязанного им военного конфликта. Ганс Гольбах, испытывающий пресыщение от изматывающей войны, вши «втаптывал подковою военного башмака в землю, в чужую землю, постылую и совсем ему ненужную» [1, с. 486]: «устал. Выдохся. Не хочет, не хо-

чет и не может больше Ганс Гольбах никого убивать» [1, с. 488]. «На мне много крови, ... кровь меня давит», – признавался он своему земляку Максусу Кузенпелю.

Набожный Лемке осознал чудовищность войны как вселенской катастрофы. Как-то, обнаружив, что он остался один в укрытии без своих соотечественников, «не то чтобы позавидовал тому, что они спаслись, продолжили свою жизнь на час или на вечность, он завидовал тому, что они, быть может, не испытывают той пустоты, той душевной боли и прозрения, которые нахлынули на него: всё напрасно, всё неправильно, всё не по Божьему велению идёт на земле» [1, с. 708].

В. Астафьев подчёркивает, что многие герои «плацдарма» ощущают потерю в себе цельности, надломленность. Писатель убеждён, что спасение себя на изнуряющей военной страде – дело самого человека. Люди искали спасения на испепелённом клочке плацдарма, ощущали себя покинутыми и командовани-ем, и Богом. Возросшая потребность друг в друге – иначе не выжить – привела к чувству единения. За что цепляться бойцу? За Бога, за звёздную россыпь, излучающую вечный мир и покой. Человеку свойственно в последние минуты верить в Бога.

Оценивая войну, художник поставил цель, далёкую от сиюминутных интересов, от мелких споров десятилетий – говорить о человечестве, «о том общем организме мира, который судим не историей, а Богом, где начинается новый язык и новое небо» [4]. «Прозаик хотел судить мир Божьим судом, перед которым войне нет оправдания» [4]: «Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворённое? Зачем Ты отворотил от них Лик Свой и оставил Сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель?» [1, с. 393] (курсив мой. – Э.Б.). Щусь всё чаще задумывается о причинах войны, о праве убивать. «Что за профессия – убивать? Ты же враг всему живому. И ведь с концом войны кровь не кончится. Люди ... всегда будут искать и находить, кого

убить, истребить» [1, с. 629], – рассуждает он. Командир пытается судить о войне с позиции венахождения, поднимается на отметку, где её нет: так вернее разобраться в закономерностях военных противостояний.

Литературовед Г.М. Шлёнская подчёркивает, что «осмысливая итоги войны, Астафьев многократно, настойчиво и с великой болью напоминал о ЦЕНЕ ПОБЕДЫ, о НЕДОПУСТИМОСТИ ЦЕНЫ, которой народ заплатил за неё (завалили врага трупам, залили его своей кровью), и цене, которую он продолжает платить в условиях уже мирной жизни» [8]. «Солдатское истерзанное, намаянное по окопам сердце» [4] писателя-фронтовика болит от горького осознания того, что человеческая жизнь в стране, одержимой коммунистической идеей, обесценена: «... народу в России ещё много, сори, мори, истребляй его – всё шевелится» [1, с. 442]. Художник так и не смог смириться с чудовищной потерей – гибелью русского солдата: «Хватит уж сорить людьми, хватит сорок первого года, когда лучшие бойцы погибали. Не увидав врага, не побывав даже в окопах, <...> не дойдя до передовой» [1, с. 297]. По его убеждению, бездумное ведение боевых действий, когда можно избежать напрасной гибели бойцов, – преступление командования: «Настолько грандиозные планы, что и про людей забыли! Боеприпасов нет! Продуктов нет! Зато крови много! Ею с первых дней войны супротивника заливаем» [1, с. 593].

Одна из трагических страниц «Плацдарма» – переправа. Многочисленные сцены переправы – вселенский размах убийства: недостаток плавсредств, многие солдаты не научены плавать. На плоты лезли «страхом объятые люди, стаскивали за собой в воду бойцов-товарищей» [1, с. 405]. Переход на другую сторону плацдарма – это подавление своего страха, ужаса перед страшной водной стихией, пересечение границы между жизнью и смертью: «погонят войско, стадом погонят в воду, в ночь» [1, с. 425], чтобы «свет преисподней... и крик покинутой живой души, последний, безответный зов» [1, с. 425] заполнили пространство. Переправа – так-

тически не продуманная операция, слишком высокой ценой досталась эта победа.

В самое пекло войны идут Шестаков, Щусь, Зарубин, Булдаков, Финифатьев, Сабельников, Герка-горный бедняк и многие другие: «И так *шли* и *шли* бойцы, командиры Великокриницкого плацдарма, навечно уже *отпечатанного в их памяти. Очень медленно шли, и те, кто падал, больше уже не поднимались. Впереди своего полковника, как бы заслоняя его собою, загнанно хрипя от пыли и простуды, словно в старые, довоенные времена, словно в ранешнем довоенном кино, с обнажённым пистолетом шёл командир батальона Щусь. Но не было никаких киношных, патриотических криков, никакого «ура», только хрип, только кашель, только вскрики тех, кого находила пуля или осколок» [1, с. 742] (курсив и выделение моё. – Э.Б.). За счёт лексических повторов в тексте достигается автором эффект длительности пути по своей униженной земле, пути, исполненного небывалого трагизма, и в этом – невероятная обречённость идущих. Это движение в никуда, движение в логово Смерти. Замедленный темп повествования создаёт ощущение просмотра киноленты, словно эта дорога войны ради великой цели – уничтожить врага – растянулась на все четыре года. Философ И.А. Ильин подчёркивал, что всякий, кто участвует в «совместном духовном направлении воли, мысли, чувства и действия, ведущем к общему и единому результату, именуемому победою, – всякий является *духовным воином*» [2, с. 86] (курсив. – Ильин И.А.), «и если война как организованное убийство есть вина и жестокость, а как духовный порыв и самопожертвование – подвиг, то все эти люди разделяет эту вину, и жестокость, и подвиг» [2, с. 87]. Страдание великомученической рати становится испуительным, её подвиг – святым.*

Есть мнение исследователей, что в конце романа В. Астафьева «Прокляты и убиты» нет прозрения героев, катарсической развязки, нет того, что удлиняет перспективу человеческого мироощущения. Л.А. Смирнова в работе «Постижение духовной природы человека» пишет, что «для нравственно-эсте-

тического роста личности «понадобится нахлебаться досыта грязи», т. е. столкновение со Злом должно привести к душевному подъёму. Такого пробуждения в произведении нет» [6]. Земля, именуемая плацдармом, погружена в безысходность, трагическую обречённость. Но бесовское ликование смерти бессильно перед вселенской жизнью, торжество которой всё же рисует В. Астафьев в картине ненадолго обозначившихся вверху предутренних, мелко мерцающих звёзд и ноготка луны: «Явление Божиих небес потрясло людей на плацдарме своей невозмутимостью и постоянством. Многим уже казалось, что ... всё перевернулось вверх тормашкой, рассыпалось, задохнулось и само небо истекло. А оно живо! Значит, и мир жив! (курсив мой. – Э.Б.). Значит, оторвало от земли, будто льдинку, клок этого жёлто-бурого берега и несёт в гибелью веющее пространство» [1, с. 432]. Берег боевых сражений поглотит бесследно бездна, а мир останется. Живое небо – залог будущей жизни самой земли, где война – временное явление, хотя и трагическое, убеждён писатель. Она – преходяща, следствие человеческих претензий к миру. А вечному небу нет дела до временных интересов сменяющихся друг друга поколений. Она противоестественна человеческой природе: убивать бессмысленно.

Соединение с бойцами нового плацдарма, «ещё никак не названного» [1, с. 742], – процесс соучастия, содействия, сопричастности друг другу. Солдаты «побежали к реке, вниз, *движимые какой-то им уже не принадлежащей силой, чувствуя освобождение от гнетущего ожидания гибели, избавление от заброшенности и никудышности*» [1, с. 742] (курсив мой. – Э.Б.). В работе И.А. Ильина «Духовный смысл войны» отмечается, что на войне «совместное горение смягчает сердца; а смягчённые сердца уже стоят на пути к восстановлению отмершей доброты» [2, с. 70]. Радость воссоединения с товарищами, осознание выполнения общей работы по защите Отечества делает освободителей родины духовно озарёнными. «Орлы-осиповцы, как на сельских работах сдружились, так

рука об руку и в бои вступили – ни одного своего раненого не бросили» [1, с. 361], «они и за реку поплывут с надеждой, что надеждатоварищ всегда рядом, всегда поможет» [1, с. 361], «последней крошкой поделится, раненого тебя спасёт» [1, с. 361]. Санитарки Фая и Нелька Зыкова тяготы войны переносили мужественно, не жалея себя, героически выполняли свою работу, не боялись свистящих над ними пуль. Нелька любила подругу: «Фая – её жизнь, её сестра, её надежда, опора, как и она Фае» [1, с. 616].

В.П. Астафьев приводит нас к мысли о том, что в финале второй книги «Плацдарм» снижается острота трагического, начинает набирать силу победоносная поступь повествования. «Совсем и далеко не превосходящие силы противника» [1, с. 765] истощены, обескровлены: отступление немецких войск «превратится в паническое бегство, в хаос, в свалку» [1, с. 766], «загнанные в пустынное, овражное пространство, остатки немецких дивизий подавят гусеницами танков, дотопчут в снегу конницей, расщепают, разнесут в клочья снарядами и минами преследующие их советские войска» [1, с. 766].

Несмотря на светлый тон финального повествования, автора «Проклятых и убитых» по-прежнему не покидает ощущение трагизма. По мнению писателя, потомки предадут забвению солдата Великой Отечественной войны: «Через десяток лет покроет место боёв ... толстой водой нового, рукотворного моря и замочет песком, затянет илом белые солдатские косточки» [1, с. 763]. Но Память не «замочешь песком» [1, с. 763], трагическая судьба

защитников не сотрётся в ней. «Страдания и смертные муки одновременно являют собой и расплату за великие грехи нескольких поколений, и не менее великий акт их искупления. Ибо кровь их и самая смерть – есть смерть за Отечество – одна из самых святых жертв, которые может принести человек» [7], – отмечает Вс. Сурганов в статье «Побег на плацдарм». Такая смерть обещает богоданное воскрешение в иной, вечной жизни, в мире нетленном и совершенном, в котором нет войны.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Астафьев В.П. Прокляты и убиты: Роман. – М.: Эксмо, 2005. – 800 с.
2. Ильин И.А. Духовный смысл войны/ Ильин И.А. Родина и мы. – Смоленск, 1995. – С. 5-30.
3. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. Сибири [Электронный ресурс] Православие и мир. 9 июня 2005 г. [сайт]. [2005]. URL: <http://www.otchestvo.org.ua/main/20088/1211.htm> (дата обращения 15.12. 2010г).
4. Курбатов В.Я. Слово при вручении В.П. Астафьеву премии А.И. Солженицына (посмертно) 24 апреля 2009 года [сайт]. [2005]. URL: <http://www.gr-net.ru/book/premia/2009/kurbatov.php> (дата обращения 15.12.2010г).
5. Немзер А. Исчадьё божье // Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. – М., 1998. – 432 с.
6. Смирнова Л.А. Постигание духовной природы человека. В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаяев // Литература в школе. – 1995. – № 4. – С. 35-42.
7. Сурганов Вс. Побег на плацдарм // Литературное обозрение. – 1995. – № 3. – С. 95-98.
8. Шлёнская Г.М. Два варианта первоначальной концовки рассказа «Пролётный гусь». Комментарий Галины Шлёнской // Стародуб: Астафьевский ежегодник: материалы и исследования: вып. 1. – Красноярск, 2009. – С. 237-241.